

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ДОЛОТА ИЗ СТАРОГО КАТЫША

С.Ф. Кокшаров

Публикуется литейная форма для изготовления втульчатого долота, найденная у с. Старый Катыйш в бассейне р. Конды (приток Нижнего Иртыша). Выясняется возможная принадлежность предмета к известным керамическим комплексам бронзового века. Акцентируется внимание на преемственности в металлопроизводстве у литейщиков Кондинского бассейна, а также на связи, установившиеся между общностью культур валиковой керамики, населением андроновидных образований Западной Сибири и таежными рыбаками и охотниками на завершающем этапе бронзового века в Западно-азиатской (Евразийской) металлургической провинции.

Бархатовская культура, втульчатое долото, литейная форма, общность культур валиковой керамики, Старый Катыйш, сузгунская культура, сузгунско-позьвинские (лучкинские) комплексы.

Введение

В 1983 г. экспедиция Тобольского педагогического института под руководством А.В. Расторопова проводила раскопки у с. Старый Катыйш на р. Конде в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области (рис. 1). На возвышенности протяженностью 200 м, расположенной между современными постройками и р. Катыйшинкой, заложены два раскопа — западный и восточный — площадью 100 и 324 м² соответственно, из которых происходят разновременные археологические материалы. В первом выявлен ранний поселенческий слой мощностью ~0,4 м с плоскодонной посудой, орнаментированной «мелкозубым штампом, образующим узор-зигзаг, и пояском строенных ямок», во втором исследованы остатки двух жилищ IV–III вв. до н.э., городище и два погребения, датированные рубежом эр [Расторопов, 1985, с. 238].

Автор исследований не смог атрибутировать керамику из западного раскопа. Между тем известно, что переход к лепке плоскодонных емкостей в бассейне р. Конды происходит в начале бронзового века [Кокшаров, 2006, с. 50]. По данной морфологической особенности и декору в виде гребенчатых зигзагов и поясков из строенных ямок коллекция может быть соотнесена предварительно с посудой варпаульского типа [Там же, рис. 3, 25, 35, 40, 45], связанной с памятниками сейминского времени, или, что более вероятно, с лозьвинской керамикой завершающего этапа бронзового века [Сладкова, 1991, рис. 2; 2007, рис. 1, 29, 31]. В один комплекс с последней может входить литейная форма для изготовления втульчатого долота. Ввиду единичности находка может представлять интерес для специалистов, изучающих древнее металлопроизводство, поскольку отражает особенности литейного дела у населения севера Западной Сибири.

Источник и его обсуждение

Со слов А.В. Расторопова, обломки матрицы не связаны с каким-либо объектом, а были извлечены из культурного слоя и подобраны уже в городской лаборатории. В 1980-х гг. во время пребывания в г. Тобольске исследователь разрешил мне осмотреть и зарисовать предмет¹. Створки, сердечник и предполагаемая реконструкция отливки публиковались в книге научно-популярного содержания и в учебнике по региональной истории для старшеклассников, но подробное описание находки не приводилось [Югорск..., 1995, рис. на с. 30; История Ханты-Мансийского автономного округа..., 1999, рис. на с. 25].

Для литейной формы подготовлена глина с примесью песка и мелких кальцинированных косточек. Небольшие каверны в теле сердечника указывают на присутствие органики, выгоревшей при обжиге.

Форма состоит из двух створок (рис. 2, А, Б), толщина стенок которых варьируется в интервале 15–20 мм. Торцевая часть или основание, где помещался сердечник, в плане овальная, размером 5,8×4,7 мм (рис. 2, В). Противоположная сторона формы, в которой предположитель-

¹ Выражаю искреннюю благодарность А.В. Расторопову за разрешение ознакомиться с находкой и предоставленную возможность ее публикации.

но размещался литник, сильно разрушена, поэтому ее полный размер не установлен. С учетом утраченной части общая длина изделия составляла не менее 198 мм.

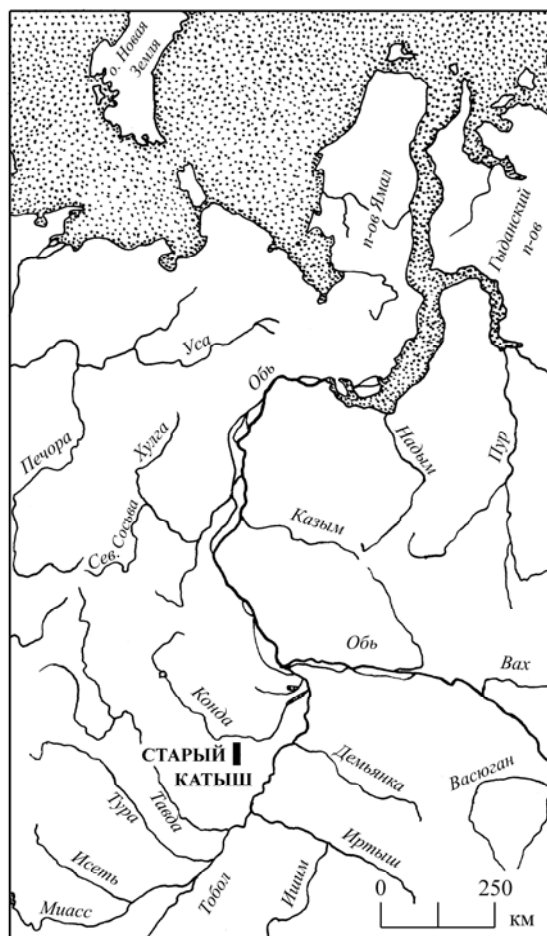

Рис. 1. Расположение поселения Старый Катыйш на р. Конде

Представление о морфологических особенностях отливаемого предмета дают поперечные и продольные профили (рис. 2, А, Б, Д). Выемка правой створки плавно сужается от основания, где помещался сердечник, в сторону литника с 13 до 4 мм. Полость левой створки имеет более сложную конфигурацию. На отрезке ~47 мм она почти параллельна продольной оси (расширение от сохранившегося торца минимально — с 10 до 12 мм). В 60 мм от основания начинается коленчатый уступ и полость увеличивается до 17 мм. На 80 мм выемка достигает максимального значения — 18 мм. Затем наблюдается ее пологое сужение в противоположную сторону.

Сердечник (рис. 2, Г) представляет собой конический стержень, в основании которого смоделирована широкая округлая шляпка диаметром 33–36 мм. Судя по всему, она была слегка смещена относительно продольной оси сердечника. Сторона шляпки, обращенная в сторону стержня, — плоская, а противоположная — слегка выпуклая. Благодаря широкому основанию сердечник надежно фиксировался в вертикальном положении внутри полости. Общая длина предмета ~83 мм. Он круглого сечения, диаметр в средней части 12 мм.

Длина долота составляла ~188 мм, оно имело коленчатый уступ, придававший изделию асимметричность и смещенный центр тяжести. У предмета была обтекаемая клиновидная форма и округло-овальное поперечное сечение. Длина втулки достигала 75 мм, ее диаметр на входе ~12 мм. Толщина стенок втулки существенно варьировалась, что обусловлено овальной конфигурацией полости, заливавшейся металлом, и круглым сечением сердечника. По-видимому, прямое лезвие и конфигурация самого предмета (за исключением втулки) окончательно оформлялись в процессековки.

Литейная форма долота из Старого Катъша

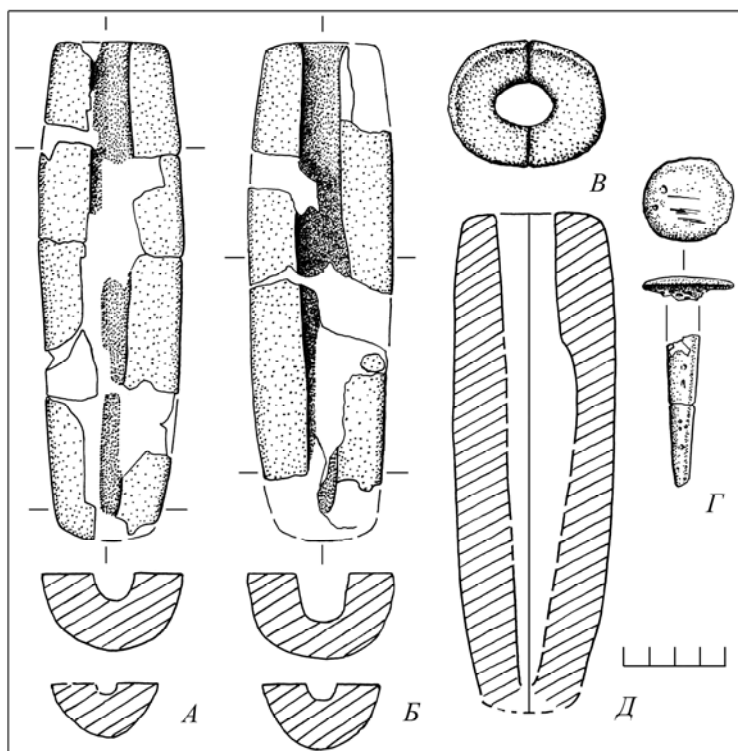

Рис. 2. Литейная форма втульчатого долота из Старого Катъша

Наличие в формовочной массе песка и кальцинированных косточек сближает находку с технологической керамикой, происходящей с кондинских памятников полымьятского типа предшествующего времени [Стефанова, Кокшаров, 1988, с. 170; Кокшаров, Стефанова, 1993, с. 65; Кокшаров, 2011, с. 125], т.е. можно вести речь о сохранении определенной традиции. Другая архаичная черта, указывающая на преемственность металлопроизводства, проявляется в обращении мастеров-литейщиков к кузнечной доработке лезвий. Она применялась в Кондинском бассейне с начала бронзового века, когда было освоено литье заготовок пластинчатых орудий в открытых формах [Кокшаров, 2011, с. 129], и продолжала существовать в сейминское время, о чем свидетельствуют материалы могильника Сатыга XVI [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 44].

Полные аналоги форме из Старого Катъша и орудью, отливавшемуся в ней, не известны. Вместе с тем втульчатые долота представляют достаточно многочисленную и разнообразную категорию металлического инвентаря эпохи бронзы. В нее входят предметы с желобчатым и прямым лезвием, с уступом при переходе от втулки к лезвию и без такового, с валиком по краю втулки и без валика, орудия копьевидной формы.

Изготовление втульчатых долот, правда, с желобчатым лезвием велось в сейминское время, о чем свидетельствуют материалы погребения 21 могильника Ростовка в Среднем Прииртыше [Матющенко, Синицына, 1988, с. 30–31, рис. 38]. Вместе с тем Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отмечают, что сами втульчатые долота не встречены в сейминско-турбинских некрополях, но характерны для объектов более позднего времени [1989, с. 129–130, рис. 23, 3–5]. Речь идет об археологических памятниках третьего этапа бронзового века Европейской, Центрально-азиатской и поздней фазы Евразийской металлургической провинции, включавших такие металлургические и металлообрабатывающие очаги, как ингуло-красномаяцкий, завадово-лобойковский, кардашинский, приказанский [Черных, 1978, с. 75–77; рис. 11, 7, 20, 32, 44], казахстанский [Рындина, Дегтярева, 2002, с. 204] или сары-аркинский [Агапов и др., 2012, с. 54], алтайский, семиреченский [Там же, с. 55–56], саргаринско-алексеевский [Грушин и др., 2009, с. 130, рис. 5, 1, 5, 6] и др.

Прежде Е.Н. Черных определял данный период как предананьинский [1970, табл. Г, с. 93–94, 103] или постсейминский [1983, с. 95], ограничивая его XIII (XII) — XI/X (IX) вв. до н.э. Правда, исследователь допускал, что нижний рубеж может быть удревнен вплоть до XV–XIV вв. до

н.э. [Там же]. Кроме того, было предложено связать обозначенный хронологический горизонт с существованием общности культур валиковой керамики (ОКВК), занимавшей обширную территорию от Алтая на востоке до северо-востока Балкан, Нижнего Дуная и Восточных Карпат на западе; от восточно-европейской и западно-сибирской лесостепи на севере вплоть до Крыма и низовьев Дона, среднеазиатских пустынь и предгорий, Северного Афганистана и, видимо, северо-восточного Ирана [Там же, с. 82, 95, рис. 1]. В последующих работах исследователь неоднократно возвращался к проблеме формирования ОКВК, выясняя причины возникновения «моды» на изготовление валиковой керамики в степном коридоре Евразии, а отсчет третьей, заключительной стадии Евразийской металлургической провинции ведется с XIV–XIII вв. до н.э. [Черных, 2009, с. 259–261; 2013, с. 395–396]. Устойчивый интерес к обозначенной теме проявляют и другие специалисты, изучающие особенности древнего металлопроизводства [Черных и др., 1990, с. 36–37; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 203; Кузьминых, Дегтярева, 2006, с. 264, 267; Агапов и др., 2012, с. 44–46].

Группы населения, оставившие памятники ОКВК, поддерживали прямые и опосредованные связи с соседями. Особенно отчетливо это проявляется в распространении металла и ведущих типов металлического инвентаря. Примечательно, что в третьем периоде в азиатской зоне ЕАМП отмечается падение металлопроизводства в степи и его плавное нарастание в лесостепи и лесной зоне [Черных и др., 1990, с. 37]. В этом ракурсе следует рассматривать, вероятно, и литейную форму на Старом Катыше, являющуюся на сегодняшний день самой северной находкой подобного рода. Однако вряд ли население ОКВК и рыболовы/охотники Кондинского бассейна контактировали непосредственно. Свообразными ретрансляторами новаций степных народов и стереотипов производившейся ими продукции могли выступать носители андронидных сузгунской и бархатовской культур, памятники которых расположены в подтаежной зоне Тоболо-Иртышья [Потемкина и др., 1995, с. 129–132; Матвеев, Аношко, 2009, с. 356; Корочкова, 2011, с. 19–20, 30–31]. При этом ареал, занимаемый сузгунскими древностями, лежит к северу от бархатовского. Сузгунские объекты отнесены к XII/XI–VIII вв. до н.э. [Потемкина и др., 1995, с. 133], а бархатовские датируются XI/X–VIII/VII вв. до н.э. [Корочкова и др., 1991, с. 87] или последней четвертью II — началом I тыс. до н.э. [Матвеев, Аношко, 2009, с. 354–357, рис. 126]. На синхронность обеих культур могут указывать памятники синкретичного облика (Кучум-Гора, Чупинское селище) [Там же, с. 355].

Заключение

Находка со Старого Катыша свидетельствует о вовлечении части таежного населения в систему евразийских связей заключительного этапа бронзового века (ПБВ-3). Дополнительное тому подтверждение — появление синкретичных сузгунско-лозьвинских [Галкин, 1987, с. 28] или лучкинских, по И.Г. Глушкову [1991, с. 101], комплексов на территории Тобольского Прииртышья. Предложение И.Г. Глушкова о синхронизации лучкинских объектов на Иртыше и лозьвинских на Конде представляется правомерным и вполне взвешенным. Они образуют «один культурно-типологический горизонт, вытянутый в широтном направлении... южнее которого (выделено мной. — С. К.) расположен еловско-сузгунский типологический горизонт, синхронный по времени таежному» [1991, с. 101–102]. Связывая литейную форму с Конды с лозьвинской керамикой, следует иметь в виду, что хронология этих древностей разработана недостаточно. Если же принять во внимание отсутствие валика на втулке отливавшегося долота, то можно предполагать относительно ранний возраст изделия и его принадлежность к ранним лозьвинским комплексам, относящимся предварительно к последней четверти II тыс. до н.э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (3). С. 44–59.

Галкин В.Т. Этапы миграции населения Нижнего Притоболья в эпоху поздней бронзы // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 27–29.

Глушков И.Г. Поселение Лучкино I — памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 93–103.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 160 с.

Литейная форма долота из Старого Катъша

- Десярева А.Д., Кузьминых С.В. Результаты аналитического изучения орудий // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. С. 37–44.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учеб. для старшеклассников / Н.Н. Баранов, С.В. Горшков, А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров, Н.А. Миненко, Н.Б. Патрикеев, Н.Н. Попов, Д.А. Редин, Г.В. Черкашин, А.Т. Шашков. Екатеринбург: Волот, 1999. 467 с.
- Кокшаров С.Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // УИВ. 2011. № 1 (30). С. 122–130.
- Кокшаров С.Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Пленар. докл. II Сев. археол. конгр. 24–30 сент. 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 41–67.
- Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 54–67.
- Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: Факторы, механизмы, динамика: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 38 с.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья: (По материалам работ УАЭ) // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. С. 70–92.
- Кузьминых С.В., Десярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учеб. / Под ред. акад. РАН В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 219–270.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовки вблизи Омска. Омск: Изд-во ТГУ, 1988. 136 с.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС, 1995. 208 с.
- Сладкова Л.Н. Модель культурной стратиграфии поселения Талья: (Поздний бронзовый век) // Экспериментальная археология. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1991. Вып. 1. С. 29–33.
- Сладкова Л.Н. Лозьвинская культура эпохи поздней бронзы таежного Зауралья — Западной Сибири // XVII Урал. археол. совещ.: Материалы науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 164–167.
- Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3. С. 161–174.
- Растропов А.В. Исследования в Кондинском районе Тюменской области // АО 1983. М.: Наука, 1985. С. 237–238.
- Рындина Н.В., Десярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2002. 226 с.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. 180 с.
- Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.
- Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во БашГУ, 1983. С. 81–99.
- Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
- Черных Е.Н. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 386–400.
- Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 34–37.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Югорск: От легенды до точки на карте / Н.Н. Баранов, С.В. Горшков, А.П. Зыков, В.В. Каплюков, С.Ф. Кокшаров, Н.А. Миненко, В.М. Морозов, А.Т. Шашков. Екатеринбург: Волот, 1997. 160 с.

Екатеринбург, ИИА УрО РАН
uniz@mail.ru

The article presents a mould for making a plug bit found by the settlement of Stary Katysh in the basin of the Konda river (a tributary of the Low Irtysh). Subject to clarification being a possible belonging of this object to famous pottery complexes of the Bronze Age. The paper being focused on continuity of metal production with foundry workers from the Konda basin and relations formed between the community of roll pottery cultures, the population of Andronoid conglomerations in West Siberia, and the taiga fishermen and hunters during the final stage of the Bronze Age in the West Asian (Eurasian) metallurgical province.

The Barkhatovo culture, plug bit, mould, the continuity of roll pottery cultures, Stary Katysh, the Suzgun culture, Suzgun-Loz'va (Luchkino) complexes.